

*Художественная интерпретация народной темы в повестях
А. П. Чехова «Мужики» и «В овраге»*

Афанасьев Э. С.

«Школьный Чехов» очень часто остается в сознании читателей как писатель, целиком связанный с разработкой темы интеллигенции в самом широком диапазоне - от настоящих, тонких, совестливых интеллигентов до откровенно их пародирующих, до неумело играющих их роль. Цель предлагаемой публикации - расширить представление о темах чеховского творчества, обратить внимание на произведения иной тематики. Продолжение и одновременно преодоление народнической традиции в повестях «Мужики» и «В овраге» - это тоже Чехов, причем «не меньше» Чехов, чем в «Ионыче» или «Даме с собачкой». Надеюсь, предлагаемая статья поможет учителю говорить с учениками о разнообразии наследия Чехова, его героев, его тем. По этим повестям можно предложить десятиклассникам индивидуальные задания, проектные работы, темы докладов.

Ключевые слова: тема простого народа, социологизм в художественной литературе, народническая проза, экзистенциальная проза, эпос Чехова, реальный человек, эмоциональный уровень отношений, принцип соприсутствия.

Повести «Мужики» и «В овраге» современная Чехову литературная общественность восприняла негативно вследствие несовместимости с традиционными представлениями русских писателей о самобытности народного мирозерцания чеховского видения мужика, примитивное сознание которого сосредоточено на кризисной ситуации личной его жизни, личного бытия с его повседневными, мелочными проблемами, которые во многом и обуславливают его самосознание. Чехов отнюдь не полемизирует со своими предшественниками в освещении этой темы; как художник-реалист он сознает первостепенность для каждого человека личного его бытия, на которое постоянно направлено его внимание. В принципе человек любого сословия, любого уровня сознания является субъектом личного бытия, эмоционально переживающим его события. А это и есть живая жизнь.

Писатели-народники, особенно интенсивно разрабатывающие эту тему в 70 - 80-е годы, подходили к ней как социологи, детализируя образ жизни низших слоев русского общества, замкнутый в своих границах как специфический социум, и изображали ее преимущественно извне. Они прошли мимо тенденции изображать человека изнутри, во многом обуславливающей уровень художественности произведения. Но о художественности писатели-народники мало заботились.

«Найти в человеке человека», по Достоевскому, означает высветить в нем то, что людей объединяет, что присуще «внутреннему» человеку. Изнутри, как бы взвешивающим свою значимость среди людей, изображает Чехов человека любого сословия. Николай Чикильдеев, бывший лакей в одной из московских гостиниц, считает себя «хорошим человеком», по-видимому, по той причине, что в памяти его остались обеды в «Славянском базаре» и котлеты маршаль, о чем мужики его деревни Жуково понятия не имеют. Внутренний мир Ольги, его жены, горничной, не в пример богаче. Она приобщилась к жизни господ и теперь умиляется при встрече с ними. Чтение Библии ее завораживает, она благоговеет перед книгой, слова в которой звучат торжественно и таинственно. Едва ли не единственная из жуковцев Ольга душой откликается на церковные службы и на красоту деревенских пейзажей. Не потому ли она одна способна лить «примирительный елей» на душевные раны людей, беззащитных перед грубыми нравами жуковских мужиков? Интенсивность позитивных эмоций является у Чехова мерилем содержательности личного бытия человека. В этом ракурсе и изображается жизнь мужиков деревни Жуково.

Оторопь вызывают у горожан Николая и Ольги реалии мужицкого быта: ветхая, покосившаяся, неприбранная изба как свидетельство крайней нужды людей, уже равнодушных к "декоруму", как безучастна к появлению в избе чужих людей давно немытая, отупевшая девочка. Оглушшая от побоев кошка как бы подтверждение того, что здесь живут люди ожесточившиеся, озлобленные, здесь едва ли встретишь приветливых, улыбающихся людей. Но бутылочные ярлыки и обрывки газет в переднем углу вместо икон - знак присутствия в наивном, полудетском сознании Чикильдеевых следов духовной культуры. Здесь живут люди...

Подавленное воображение, примитивный кругозор, не простирающийся далее самых насущных нужд, укоренившаяся в душах озлобленность против всех, против самого существования. Когда человек сознает, что в миру он - "недостаточного класса" и среди людей он ничего не значит, в нем рождается агрессия. И пьяный Кирьяк, избивающий свою жену, испытывает чувство удовлетворения: хоть кто-то его боится, хоть кто-то с ним считается. В этом болоте нужды, голода, отчужденности, униженности жить может тот, кто, как Фекла, способен забыть о человеческом достоинстве и даже находить удовольствие в полуживотном существовании. Или ожесточиться, как старуха, и вымещать животные инстинкты на ближних.

Жизнь, нормальная человеческая жизнь, куда-то ушла от жуковцев, как море от берега во время отлива, не оставив им ни материальных, ни духовных средств к существованию, и это сознание покинутости жизнью - та экзистенциальная ситуация, которая порождает у жуковцев чувство уныния, безнадежности, пустого времяпровождения: «Теперь же у жуковцев не было никаких тайн, вся их жизнь была как на ладони, у всех на виду, и могли они говорить только о нужде, о кормах, о том, что нет снега...».

Это «обмеление» внутреннего мира мужиков едва не уравнивает их в экзистенциальном плане с животными. Бабка Чикильдеевых так же остервенело воюет с воронами и гусями, как и с домашними. В сцене пожара шальное поведение выпущенного на волю вороного жеребца как-то подозрительно похоже на действия старосты Антипа, без всякой необходимости выбивающего окна в горящей избе и зачем-то рубящего крыльцо. Другие же мужики «стояли толпой возле, ничего не делая, и смотрели на огонь. Никто не знал, за что приняться, никто ничего не умел...». Простые, не контролируемые разумом и нравственным чувством инстинкты направляют поведение мужиков; в их жизни, стихийной, как пожар, господствуют безалаберность, растерянность, преувеличенные страхи, отчаяние и непонимание реальности. Бытие мужиков упрощено до элементарного уровня.

Городским жителям, Николаю и Ольге, жизнь деревенских Чикильдеевых, да и всех жуковцев в целом, представлялась невыносимой. «То, что происходило в деревне, казалось ей (Ольге. - Э. А.) отвратительным и мучило ее. На Илью пили, на Успенье пили. На Покров в Жукове был приходской праздник, и мужики по этому случаю пили три дня... В первый день у Чикильдеевых зарезали барана и ели его утром, в обед и вечером, ели помногу, и потом еще ночью дети вставали, чтобы поесть. Кирьяк все три дня был страшно пьян, пропил все, даже шапку и сапоги, и так бил Марью, что ее отливали водой. А потом всем было стыдно и тошно». «Темное царство» мужицкой жизни подобно дантовскому аду: «В течение лета и зимы бывали такие часы и дни, когда казалось, что эти люди живут хуже скотов, жить с ними было страшно; они грубы, не честны, грязны, не трезвы, живут не согласно, постоянно ссорятся, потому что не уважают, боятся и подозревают друг друга». Пьянство, воровство, ложь, насилие - от каких только грехов не свободен мужик!

Идиотизм деревенской жизни - отнюдь не новая тема в русской литературе XIX века. И чем «ближе к жизни», вплоть до очерково-документальной манеры, она изображалась, тем в большей мере утрачивалось ее художественное значение.

Для Чехова-художника мужицкое «темное царство» - частный случай личного бытия человека. Чеховский мужик повернут к читателю человеческим лицом и рассматривается он в повести с точки зрения его человеческого достоинства, как человек любого другого социального статуса. В сознании читателя незримо присутствует широкий контекст бытия человека, в который помещены персонажи повести Чехова. Таким образом, автор скрупулезно

отыскивает в мужике человека, что дает ему право на беспристрастное изображение деформации в нем человеческого. Для этой цели Чехову был необходим персонаж, дистанцированный от главного объекта изображения. Элементарно культурная, чистоплотная, склонная к внутреннему благообразию, по-женски сострадательная и участливая Ольга - своего рода луч света в «темном царстве», и луч этот высвечивает то жутковатые, то наивно-смешные подробности мужичьего бытия. Боголюбивую и богобоязненную Ольгу это поведение мужиков ужасает, как поведение испорченного ребенка: «Но все же они люди, они страдают и плачут, как люди, и в жизни их нет ничего такого, чему нельзя было бы найти оправдания». Способность страдать и плакать - признак «человеческого» в человеке. Страдает протрезвевший Кирьяк, и стыдно ему своих «подвигов» во хмелю. Он словно застрял в наезженной жизненной колее - отчаяние, сознание безысходности существования - пьяное озверение и избиение жены - похмельное страдание и стыд. Жизненные обстоятельства обложили мужиков как непреодолимая вражеская сила: «Тяжкий труд, от которого по ночам болит все тело, жестокие зимы, скудные урожаи, теснота, а помощи нет, и неоткуда ждать ее» (там же). Ничто так не разрушает в человеке «человеческое», как сознание безысходности личного его бытия. С таким чувством умирает Николай, потерявший надежду на возвращение к прежней жизни.

Конечно, и в «темном царстве» деревенской жизни есть свои светлые пятна. «Внизу на лугу девушки водили хоровод и пели. Играли на гармонике. И на заречной стороне тоже горела одна печь и пели девушки, и издали это пение казалось стройным и нежным» (с. 290). В деревне «мало кто верил, мало кто понимал. В то же время все любили Священное Писание, любили нежно, благоговейно...». Настоящим праздником стало для жуковцев религиозное торжество, на которое собралась вся деревня. Жуковцы жадно припадали к иконе, «жадно глядели на нее и говорили, плача:

- Заступница, матушка! Заступница!

Все как будто вдруг поняли, что между землею и небом не пусто, что не все еще захватили богатые и сильные, что есть еще защита от обид, рабской неволи, от тяжелой, невыносимой нужды, от страшной водки». Мир велик и красочен, а потому и мужичье «темное царство» - только омут на широком речном просторе.

Художественное пространство в повести «Мужики» эпично, не локализовано, не замкнуто на Жукове. Светлый поэтический пейзаж видят Николай и Ольга в окрестностях деревни, как-то странно сопresentствующий с мрачными реалиями мужичьей жизни: «Сидя на краю обрыва, Николай и Ольга видели, как заходило солнце, как небо, золотое и багровое, отражалось в реке, в окнах храма и во всем воздухе, нежном, покойном, невыразимо чистом, какого никогда не бывает в Москве». Пространство неожиданно распахнулось, словно напоминая горемыкам о возможности жизни иной, так что увиденное ими в избе Чикильдеевых представляется всего лишь каким-то кошмарным сном. Но погас последний луч вечернего света, и кошмар предстает наяву: «И когда Николай, войдя в избу, увидел все семейство, все эти большие и маленькие тела, которые шевелились на полатах, в люльках и во всех углах, и когда увидел, с какой жадностью старик и бабы ели черный хлеб, макая его в воду, то сообразил, что напрасно он сюда приехал, больной, без денег да еще с семьей, - напрасно!».

Чехов чужд всяких иллюзий относительно перспектив приобщения мужика к духовной культуре века. «Природность» мужика, примитивный уровень его сознания независимо от социально-исторических факторов, его обусловивших, - такого рода реалии способны были обескуражить читателя, которого современная ему идеология утешала надеждой на лучшее будущее или верой в нерушимую самобытность народного мирозерцания. Порядок вещей применительно к судьбе каждого индивида осуществляется в мире Чехова неукоснительно, без тени авторской интенции.

Мужичье «темное царство» помещено в повести в широкий контекст: дворянская усадьба, Москва, природа... Эти жизненные сферы сопresentствуют, они «неслиянны и нераздельны». По-разному отзывается сознание человека на окружающий его мир, по-разному переживает человек одни и те же обстоятельства. Если появление в церкви барышень рас-

трогало Ольгу, наполнило ее душу светом, хотя к жизни дворянской усадьбы она неприспособлена, то Марья «глядела на них исподлобья, угрюмо, уныло, как будто это вошли не люди, а чудовища...». После пожара Ольга восхищается людьми из дворянской усадьбы:

«- Да такие хорошие! Да такие красивые! А барышни - как херувимчики.

- Чтоб их розорвало! - проговорила сонная Фекла со злобой».

Не классовый инстинкт, а негативные эмоции, глубоко укоренившиеся в Фекле, обуславливают ее отношения даже и с родными ей людьми. Таков уровень ее экзистенции.

«Темное царство» предстало в повести Чехова нерушимым, какими бы ни были причины существования этого феномена, - стечение ли обстоятельств или несовершенство природы человека. Оно цепко удерживает человека и даже на Ольгу наложило свой отпечаток: «За зиму она похудела, подурнела, немного поседела, и уже вместо прежней миловидности и приятной улыбки на лице у нее было покорное, печальное выражение пережитой скорби, и было уже что-то тупое и неподвижное в ее взгляде, точно она не слышала». Тяга к страннической жизни побуждает ее покинуть Жуково. Несчастной Марье заказано быть ее спутницей.

«- Опять я одна осталась, бедная моя головушка, бедная-несчастливая...». «И долго она голосила, и долго Ольге и Саше видно было, как она, стоя на коленях, все кланялась кому-то в сторону, обхватив руками голову, и над ней летали грачи" (там же), безучастные к человеческому горю.

Словно вырвавшиеся на свободу пленники все дальше уходят Ольга с Сашей от Жукова, «им было весело, и все развлекало их». Их окружал мир, которому, казалось, не будет конца и в котором они должны быть счастливы. И они забыли пережитое в Жукове. Но в первом же селе остановились они у богатой избы, и Ольга сказала «громко, тонким, певучим голосом:

- Православные христиане, подайте милостыню, Христа ради...» (там же). Ей вторила Саша. Что сулит им будущее - понятно. Всякого рода поползновения человека на свободу от своего жизненного статуса в мире Чехова окрашивается иронией.

Общая картина мужицкого «темного царства» произвела на литературную общественность тяжелое впечатление. Но Чехов-художник сделал свое дело: едва ли не впервые в русской литературе в повести «Мужики» крестьянин был представлен как субъект личного бытия - единичный человек в большом мире, эмоционально переживающий свое в нем пребывание.

Вновь обращается Чехов к теме бытия простого, т.е. непривилегированного, неинтеллигентного человека в повести «В овраге». Расположенное в овраге село Уклеево словно укрывшись в нем от большого мира, события в котором, описываемые историками, до уклеевцев не доходят. Здесь события местного масштаба, за исключением анекдотического - как на поминках дьячок один съел четыре фунта зернистой икры. Наряду с местными фабрикантами, самая заметная в селе фигура - Григорий Цыбукин, торговец, вообще оборотливый человек. Вероятно, Григорий прожил бы сытую, безбедную жизнь кем-то уважаемого, а кем-то и ненавидимого человека, если бы судьбой не была предназначена ему роль жизнеустроителя. "У старика всегда была склонность к семейной жизни, и он любил свое семейство больше всего на свете". Эта его любовь - фундамент, на котором воздвигает он семейную жизнь. Те отношения, на которых основывается семейная жизнь, Григорию словно неведомы. Живое человеческое чувство в мещанской среде заменяют неписанные традиции: "Когда Цыбукины женились, то для них, как для богатых, выбирали самых красивых невест". И с женой, и с невестками, казалось бы, Цыбукину повезло.

«- Да, и невестки же у тебя, Григорий Петров, бог тебе послал!.. Не бабы, а чистый клад!» - польстил Цыбукину его работник. В самом деле, все они пригодились в его хозяйстве, а на Аксинью, жену младшего сына Степана, придурковатого и глухого, Григорий не мог смотреть без восхищения за ее хозяйскую хватку. Первым сюрпризом стало для него поведение новоявленной его жены Варвары. «Едва она поселилась в комнатке, в верхнем этаже, как все просветлело в доме, точно во все окна были вставлены новые стекла. Засветились лам-

падки, столы покрылись белыми, как снег, скатертями, на окнах и в палисаднике показались цветы с красными глазками, и уже за обедом ели не из одной миски, а перед каждым ставилась тарелка». Если Аксинья знаменует собой торгашеское отношение к людям, то с Варварой в тусклый быт Цыбукиных приходит неведомая прежде благотворительность, отношение к которой Григорий не мог сразу определить. «В том, что она (Варвара. - Э. А.) подавала милостыню, было что-то новое, что-то веселое и легкое, как в лампадках и красных цветочках. Когда в заговенье или в престольный праздник... сбывали мужикам протухлую свинину с таким тяжелым запахом, что трудно было стоять около бочки, и принимали от пьяных в заклад косы, шапки, женины платки, когда в грязи валялись фабричные, одурманенные плохой водкой, и грех, казалось, сгустившись, уже туманом стоял в воздухе, тогда становилось как-то легче при мысли, что там, в доме, есть тихая, опрятная женщина, которой нет дела ни до солонины, ни до водки; милостыня ее действовала в эти тягостные, туманные дни, как предохранительный клапан в машине». Так входит в жизнь Цыбукиных новое для них начало. Безболезненно будет принята в это семейство и кроткая певунья Липа.

Для эпического мира Чехова характерно соприсутствие в нем разных, казалось бы, несовместимых начал. Григорий Цыбукин одержим наживой и без зазрения совести обманывает покупателей - жена его Варвара принимает близко к сердцу этот обман; красивая, деятельная, целеустремленная Аксинья - и во всех отношениях неудачный сын Григория Степан; робкая, богобоязненная Липа - и бравирующий своим положением горожанина и сыщика Анисим, совершенно равнодушный к семейной жизни. Что удерживает это семейство от центробежных процессов? Конечно, известная инерция сосуществования, пока жизненные интересы ее членов не вступают в противоречия. Чеховские герои способны довольствоваться малым. Вероятно, и на уровне сожителства семейство Цыбукиных продолжало бы существовать, если бы Григорий Цыбукин не совершил непоправимую ошибку, впрочем, не без подсказки Варвары, посоветовавшей ему позаботиться о внуке, новорожденном сыне Липы, записав на него Бутекино, предмет вожделения Аксиньи. Так обнаруживается «несущая конструкция» жизни уклеевцев, выраженная в словах «кто к чему приставлен». Духовная культура для уклеевцев слишком сложна для понимания, и если они в этом отношении нигилисты, то нигилисты поневоле.

В разговоре с Варварой, сетующей на приверженность Цыбукиных к примитивному обману в торговле, Анисим ссылается на доступный пониманию каждого «категорический императив», а апелляция Варвары к совести, к Богу несколько не убеждает Анисима:

«- Бог, может, и есть, а только веры нет, - сказал он. - Когда меня венчали, мне было не по себе. Как вот возьмешь из-под курицы яйцо, а в нем цыпленок пищит, так во мне совесть вдруг запищала, и, пока меня венчали, я все думал: есть Бог! А как вышел из церкви - и ничего... Да и откуда мне знать, есть Бог или нет?».

Для Чехова неприемлемы такие мотивы поведения человека из мещанской среды, которые им отчетливо осознаны: аморализм, коварство, право сильного, корыстный расчет. Невежество, невоспитанность, инстинктивность побуждений, душевная заскорузлость, примитивность внутреннего мира - вот истинные мотивы поведения Цыбукиных, да и всех уклеевцев в целом. До злодейства они не дозрели. Для Анисима фальшивые монеты - способ самоутверждения. «Главная прелесть этого подарка (фальшивых монет. - Э. А.) была именно в том, что все монеты, как на подбор, были новенькие и сверкали на солнце». Анисим щедро раздает их направо и налево, словно играет в какую-то детскую игру. В соотношении материальных и духовных ценностей сознание уклеевцев явно склоняется к первым. Яркий пример тому - плотник Елизаров по прозвищу Костыль, который «о каждом человеке или вещи судил только со стороны прочности: не нужен ли ремонт?». Compliment Липе звучит в его устах так: «И эта хороша у тебя невестка! Все, значит, в ней на месте, все гладенько, не громыхает, вся механизма в исправности, винтов много».

Понятно, что в поведении персонажей повести не предполагается альтернатив, а потому и их ответственность за свои поступки проблематична. Анисим осужден на каторгу по той понятной причине, что вступил в конфликт с законом. Аксинья за убийство ребенка ни-

какому наказанию не подверглась и о ее виновности в повести даже не упоминается, словно иначе и не могло быть. Напротив, вина за смерть Никифора возлагается на его мать. «Эх, Липа, не уберегла ты внучка», - упрекает Липу Григорий. «Один был мальчик, и того не уберегла, глупенькая...» - вторит ему Варвара. Это не осуждение, а эмоциональная реакция на событие людей, лишившихся наследника...

Если посмотреть на внутреннее содержание персонажей повести «В овраге», то окажется, что человечность здесь не в чести, и чем в большей мере у человека «обмелела» душа, тем вероятнее его материальное благополучие. Малокультурные местные фабриканты, Аксинья, ставшая хозяйкой цыбукинского дела, волостной старшина и волостной писарь, «не отпустившие из волостного правления ни одного человека без того, чтобы не обмануть и не обидеть... и казалось, что они уже до такой степени пропитались неправдой, что даже кожа на лице у них была какая-то особенная, мошенническая». Бесчувственность - сила, отзывчивость - слабость; такова логика человеческих отношений в этой социальной среде. Гуманизм Варвары, нашедший отклик у Григория Цыбукина, стоил Липе потери сына. Когда сторож Яков возмущается поведением Аксиньи, якобы выгнавшей из дома Григория Цыбукина, и ищет у Елизарова сочувствия, тот упорно его не понимает и сводит разговор на личное. Порядок вещей, лежащий в основе бытия уклеевцев, нерушим.

Разумеется, для читателя повести этот «порядок» неприемлем. Такую реакцию на "неправду" человеческих отношений Чехов предвидел. Обязан ли, однако, подлинный художник настраиваться на предсказуемое отношение читателя к героям его произведения, что широко используется в творческой практике? Если писатель судит своих героев, то где гарантия того, что его суд будет праведным, даже если его нравственные принципы будут самой высокой пробы? Не лучше ли для дела, если высокими нравственными принципами будет руководствоваться все же читатель, который в художественном произведении увидит жизнь без всякого литературного грима? Ведь художественная правда - это и есть подлинная правда жизни.

История семейства Цыбукиных составляет основу сюжета повести, является движущей силой повествования об уклеевцах. Некогда, в 4060-е годы, русские писатели познакомили читателя с обитателями почти экзотических социальных закоулков. Для Чехова уклеевцы - люди с определенным типом сознания и самосознания, характерного для личных отношений в сфере личного бытия единичного человека, в которой каждый человек осуществляет присущую ему волю к жизни в форме эмоционального переживания своего присутствия в мире. Вот почему в повести «В овраге» предполагаемые читателем социальные конфликты экзистенциального свойства. Когда какая-то баба кричит из толпы народа, собравшегося поглазеть на свадьбу Анисима и Липы, - «Насосались нашей крови, ироды, нет на вас погибели!», ею движет сознание человека, оказавшегося на обочине события. И здесь же раздается прямо противоположная по оценке происходящего реплика: «Молодчина, Григорий Петров! - слышалось в толпе. - Так, старайся! Значит, еще можешь заниматься! Ха-ха!». Так может говорить человек, настолько захваченный праздничным действием, что сам сознает себя его участником. Даже частые ссоры местных фабрикантов, обрекавшие уклеевцев на безработицу, не приводят к социальным конфликтам. Очередная ссора развлекала «жителей Уклеева, так как по поводу каждой ссоры было много разговоров и сплетен».

Повесть «В овраге» - это хроника бытия уклеевцев, так или иначе затронутых событиями, происходящими в селе. «Вечером, в праздники, когда ложились спать, во дворе у младших играли на дорогой гармонике, и если была луна, то от звуков этих становилось на душе тревожно и радостно, и Уклееву уже не казалось ямой». В отношениях единичного человека с миром нет гармонии, лада, ему недоступно чувство полноты бытия, и постоянная сосредоточенность на сознании своего несовершенства, своей единичности, своей «земности» угнетают его даже в торжественных ситуациях. В сцене венчания в церкви Липа духовно не пробуждается и вся сосредоточена на физических ощущениях: «Блеск огней и яркие платья ослепили Липу, ей казалось, что певчие своими громкими голосами стучат по ее голове, как молотками; корсет, который она надела первый раз в жизни, и ботинки давили ей, и

выражение у нее было такое, как будто она только очнулась от обморока, - глядит и не понимает». Именно сознание чуждости друг другу жениха и невесты порождает в каждом из них чисто «материальное» восприятие происходящего. По этой же причине и свадьба их - это шумное сборище людей, вдохновляемых обжорством и пьянством. «Зашло солнце, а обед продолжался; уже не понимали, что ели, что пили, нельзя было расслышать, что говорят...».

Взгляд изнутри на жизнь уклеевцев необходим писателю, чтобы передать их, уклеевцев, мироощущение в характерных его признаках. Какое значение имеет то обстоятельство, что Уклеево расположено в овраге? «В нем не переводилась лихорадка и была топкая грязь даже летом... Здесь всегда пахло фабричными отбросами и уксусной кислотой... От кожевенной фабрики вода в речке часто становилась вонючей; отбросы заражали луг, крестьянский скот страдал от сибирской язвы, и фабрику приказано было закрыть. Она считалась закрытой, но работала тайно, с ведома станового пристава и уездного врача, которым владелец платил по десяти рублей в месяц». Таков порядок вещей. Уклеевцы - люди того же типа сознания, что растерявцы или глуповцы, и потому на вопрос о том, почему они живут в вонючем овраге, уклеевцы едва ли бы нашли ответ. И потому альтернативы здесь явно не просматривается: «каков поп, таков и приход». В отличие же от Глеба Успенского и Салтыкова-Щедрина, Чехов всегда, как принято говорить о его стиле, «уравновешивает плюсы и минусы». И внешний вид села производит неоднозначное впечатление: «Если взглянуть сверху, то Уклеево со своими вербами, белой церковью и речкой казалось красивым, тихим, и мешали только крыши фабричные, выкрашенные из экономии в мрачный, дикий цвет». И для Анисима, выросшего в Уклеево, родное его село отнюдь не «яма»: «Анисим оглядывался на церковь, стройную, беленькую... Оглянулся на школу с зеленой крышей, на речку, в которой когда-то купался и удил рыбу, и радость колыхнулась в груди...».

Многомерность одного и того же топоса в повести обусловлено множественностью точек зрения, которые в своей совокупности отражают динамику сознания человека. По этой причине художественный мир Чехова, мир эпический, вмещает в себя реальную сложность бытия человека.

По мере движения сюжета горизонты уклеевской жизни все больше раздвигаются и светлеют. Общая жизнь уклеевцев, эпическая ее суть все заметнее выдвигаются на первый план. Таковы сцены возвращения народа с богомолья в преддверии уборки урожая, когда «каждый думал о том, дал бы бог вовремя убраться с хлебом, и было весело и радостно, и непокойно на душе».

Возвышенная местность, с которой уклеевцы спускаются в свое село после церковного праздника, отнюдь не символизирует какие-то антиномии, например, свет и тьму, добро и зло и т.п. Различные топосы в художественном пространстве повести соприисутствуют. Безлюдное пространство, окружающее идущую с мертвым ребенком Липу, тем не менее полно жизни: «Казалось, что все эти твари кричали и пели нарочно, чтобы никто не спал в этот весенний вечер, чтобы все, даже сердитые лягушки, дорожили и наслаждались каждой минутой: ведь жизнь дается только один раз!». Вот максима, характерная для всего творчества Чехова. Но безучастен к этому радостному гимну, прославляющему жизнь, человек со своим горем. «О, как одиноко в поле ночью, среди этого пения, когда сам не можешь петь, среди непрерывных криков радости, когда сам не можешь радоваться, когда с неба смотрит месяц, тоже одинокий, которому все равно - весна теперь или зима, живы люди или мертвы... Когда на душе горе, то тяжело без людей» (там же). И нужно спускаться к людям, как ни страшно иногда жить среди них.

По какой-то странной для человека логике жизни нравственно неменяемая Аксинья, красивая животной красотой, становится полновластной хозяйкой «дела» Цыбукиных. Но позавидует ли ей читатель? Более мягкий по характеру Григорий Цыбукин оказывается одиноким и никому не нужным. В финале повести вечная поденщица Липа заливается жаворонком в толпе таких же, как и она сама, работниц. Она довольна жизнью. Люди в этом мире соприисутствуют.

Жизнь по-своему мудра, она каким-то образом расставляет людей по местам, для них предназначенным, и Чехов вполне полагается на ее мудрость, понимая, насколько относительны человеческие о ней представления.

ЦГТБ имени А. П. Чехова